

Завтрашний день сулил Праздник Середины осени. Вечером Ши Пулю позвала Доумяо и Е Ишу к себе в комнату и, достав из шкафа несколько новых одежд из синей ткани, с тёплой улыбкой сказала:

— Я закончила шить. Примерьте, подойдёт ли по размеру.

Доумяо, который давно не носил обновок, сгорал от нетерпения. Он тут же натянул на себя новую одежду. Тонкая хлопковая ткань оказалась на удивление мягкой и совсем не кололась. Мальчик с восхищением разглядывал и ощупывал наряд, и его сияющие глаза говорили лучше всяких слов, насколько сильно ему понравилась обновка.

— Спасибо, матушка! Спасибо, батюшка! Спасибо, братец! — его тёмные, блестящие глаза согнулись в полумесяцы, и он, сияя, сложил руки в благодарном жесте.

Е Ишу легонько щелкнул его по лбу.

— Благодарю одну лишь матушку. Кто знает, сколько ночей она не спала, чтобы успеть сшить четыре комплекта одежды до праздника.

— Что за трудности, это мой материнский долг, — мягко произнесла Ши Пулю. Её взгляд неотрывно следил за детьми, и, видя их радость, она и сама невольно улыбалась. Её облик неуловимо смягчился, и с лица исчезло привычное выражение затаённой скорби. — На мой взгляд, одежда сидит как влитая, так что переделывать не стану. Уже поздно, ступайте спать.

Е Ишу кивнул и послушно удалился в свою комнату.

Мелкий дождь, похожий на шёлковые нити, спускался с небес, окрашивая осеннюю листву в оранжевые тона.

У дороги, в чьём-то саду, росло апельсиновое дерево, усыпанное ещё зелёными плодами. Их тонкий, кисло-сладкий аромат, плывущий над землёй, заставлял прохожих невольно сглатывать слюну.

Апельсины ещё не созрели, но на той половине дерева, что выходила к дороге, остались лишь несколько самых мелких плодов. Если кто-то задерживался здесь слишком надолго, из-за забора тотчас высывалась маленькая головёнка и начинала бдительно, почти враждебно следить за незваным гостем.

Ранним утром Ши Пулю, управившись с домашними делами, вместе с мужем и детьми отправилась в деревню Шиво, где жили её родители.

Деревня Шиво, расположенная к югу от города Фэн-нянь, находилась от их деревни Сялинь, что лежала на севере, примерно в полчаса ходьбы.

Шиво была ближе к городу, и население её было многочисленнее. Ещё на подходе к деревне виднелось бесчисленное множество соломенных хижин, тесно прижавшихся друг к другу по обеим сторонам просёлочной дороги.

Едва семья Е Ишу вошла в деревню, как их взору предстала ватага детей всех возрастов, с криками и смехом носившихся по улице.

Мальчик, бежавший впереди с бумажным змеем, не смотрел под ноги и внезапно налетел на Е Чжэнкуня.

Дети с визгом разбежались кто куда, оставив лишь мальчика и девочку, похожих друг на друга как две капли воды.

Им было лет по пять-шесть, и оба были грязными с головы до ног. Растрёпанные волосы, потные лбы, обветренные, шелушащиеся лица. Из-под носа у обоих текло, и налипшая на сопля пыль делала их ещё более неопрятными.

— Даху, Эря, — окликнули их Е Чжэнкунь с женой.

Но едва на их лицах успела зародиться улыбка, как Даху и Эря, завидев ношу за их спинами, подбежали и бесцеремонно протянули руки.

— Дай конфет, дай конфет!

Доумяо, видя, как они нагло пытаются отнять вещи и толкают его родителей, тут же встал перед Ши Пулю, раскинув руки, и сердито выпалил:

— Нет конфет!

Даху это не понравилось. Он толкнул Доумяо в грудь.

— Есть, есть!

Хоть он и был мал, но силы ему было не занимать. Доумяо от толчка пошатнулся и отступил на шаг.

Грязные детские ручонки принялись хлопать по одежде Доумяо, и его новый наряд мгновенно покрылся тёмными пятнами. Доумяо рассердился.

— У вас есть хоть капля вежливости?!

Е Ишу, которому эта сцена порядком надоела, схватил обоих за шиворот и растащил в стороны.

Детишки замахнулись на него, но он, помрачнев, сурово прикрикнул:

— Только попробуй ударить!

Даху и Эря, узнав в нём своего самого страшного двоюродного брата, разразились громким рёвом и бросились домой.

— Я расскажу бабушке! Никчёмный вернулся и обижает нас!

Через мгновение от детей и след простыл.

Е Ишу, с недовольным видом отряхнув руки, помрачнел ещё больше. Он всей душой ненавидел приезжать к родственникам со стороны матери.

Ши Пулю, услышав, как дети обозвали её, не смогла выдать из себя и тени улыбки. Она лишь глухо произнесла:

— Пойдём, отдадим вещи и вернёмся домой.

Е Чжэнкунь молча похлопал её по плечу и двинулся следом вглубь деревни.

Е Ишу взъерошил волосы Доумяо.

— Ничего, вернёмся домой, постираем, и снова будет чистым.

Доумяо, пошатываясь, позволил брату ерошить свои волосы. Скривив губы, он пробормотал:

— Брат, они мне не нравятся. И к бабушке с дедушкой я приезжать не люблю.

— Я тоже, — признался Е Ишу.

Войдя в деревню, они направились напрямиком к дому семьи Ши.

Жили Ши победнее, чем семья Е, и их хижина выглядела более ветхой. Зато плетёный забор вокруг двора был таким высоким, что снаружи совершенно ничего нельзя было разглядеть.

Ворота оказались наглухо заперты. Ши Пулю постучала, но никто не спешил открывать.

Она закусила губу и с тревогой посмотрела на мужа. Она понимала, что, скорее всего, это из-за недавней стычки, и те, кто был в доме, делали это намеренно.

Е Чжэнкунь ободряюще взглянул на неё, затем шагнул вперёд и своей широкой, как веер, ладонью мощно забарабанил в дверь.

— Матушка, это мы, откройте.

В доме Чжао Сююй сидела на скамье, обнимая внука и внучку. Услышав стук, она повернулась к своей снохе Чжао Ло, перебиравшей бобы, и с удовлетворением сказала:

— Посмели обидеть моих внуков, пусть теперь помаринуются за дверью!

Чжао Ло была из семьи матери Чжао Сююй, и именно последняя сосватала её за своего старшего сына.

Сама же Чжао Сююй была второй женой старика Ши. Первая, родив ему лишь одну дочь, Ши Пулю, умерла, не прожив и года. Чжао Сююй же подарила ему двух сыновей. Сейчас оба её сына, младшая сноха и сам старик работали в поле, убирая сою. Дома остались только свекровь со снохой да дети.

Чжао Ло, видевшая, как её дети в слезах прибежали домой, тоже была зла. И то, что свекровь решила проучить гостей, её вполне устраивало. Она с удовольствием наблюдала за происходящим.

Стук в дверь продолжался, но ни одна из женщин в доме не сдвинулась с места.

Только дети начали ёрзать. Даху, дёргая бабушку за руку и нетерпеливо поглядывая на дверь, канючил:

— Ба, конфет хочу. Ба, отпусти...

— Мой хороший, мой дорогой, — прошептала Чжао Сююй внуку на ухо. — Конфеты скоро будут твои, но сначала бабушка должна за тебя отомстить.

Снаружи Е Ишу, наблюдая, как его родители по очереди стучат в закрытую дверь, не

выдержал и рассмеялся от злости.

Он решительно отстранил отца и мать.

— Не открывают, и не надо. Будто мы так уж рвёмся сюда.

— А-Шу... — с обидой в голосе прошептала Ши Пулю, её глаза покраснели.

Она прекрасно знала характер Чжао Сююй и смирилась бы, если бы та унижала только её. Но здесь были её муж и дети, и это выставляло её в неприглядном свете, заставляя чувствовать себя виноватой перед ними.

— Отец, мать, уходим.

Е Ишу взглянул на Доумяо, и тот, не дожидаясь второго приглашения, схватил родителей за руки и потянул прочь.

Ши Пулю с колебанием оглянулась, смахнула слезу и всё же последовала за сыновьями.

Вскоре Чжао Сююй поняла, что стук прекратился. Дети на её коленях ёрзали всё нетерпеливее, колотя её руками и ногами и требуя конфет.

Чжао Ло, зная характер старшего племянника, с опаской предположила:

— Матушка, неужели... ушли?

— Да как она посмела! — обеспокоенно воскликнула Чжао Сююй. Она отпустила детей, бросилась к двери, заглянула в щель и, никого не увидев, распахнула её.

За воротами было пусто!

— Ах так! Ах так! — в ярости закричала она. — Вот как она чтит старших!

Пока она кричала, двое детей выскочили из-за её спины и с криками "Конфеты!" бросились на улицу.

Чжао Сююй, вспомнив о праздничных подношениях, которые так и не попали к ней в руки, почувствовала укол сожаления. Она повернулась к Чжао Ло и рявкнула:

— Чего стоишь?! Быстро догони их!

Чжао Ло, вздрогнув от окрика, тут же бросилась вдогонку за свекровью.

Дети бежали быстро. Даху и Эря нагнали семью Е в самом центре деревни. Не говоря ни слова, Даху вцепился в корзину за спиной Е Чжэнкуня, пытаясь её отнять. Эря тут же присоединилась к нему.

— Что вы делаете? — крикнул Доумяо.

— Хочу конфет! Хочу конфет! Дайте мне конфет... — двое детей повисли на корзине, не желая её отпустить. Е Чжэнкунь пытался снять корзину, боясь навредить им.

Доумяо попытался отцепить их руки, но Даху, недолго думая, укусил его. Трое детей сцепились в неуклюжей возне. Внезапно Даху, не удержавшись, упал на землю.

Деревенская дорога была неровной, а в Шиво повсюду валялись камни. Даху ударился головой, и из раны тотчас хлынула алая кровь.

Он схватился за голову и громко зарыдал. Эря, увидев, как кровь в мгновение ока залила половину его лица, тоже в ужасе закричала.

Поднялся невообразимый шум и суматоха.

Доумяо, испугавшись, застыл на месте.

Чжао Сююй и Чжао Ло, подбежавшие в этот момент, увидели эту сцену и остолбенели от ужаса.

— Ши Пулю, ты, проклятая звезда несчастий! Никчёмная девка! — разразилась бранью Чжао Сююй. — Зачем ты притащила сюда этого своего ублюдка? Посмотри на моего Даху, посмотри на моего внука...

Когда она начинала ругаться, её было не остановить. Она смотрела на Ши Пулю как на заклятого врага.

— Если с моим внуком что-то случится, я заставлю сына Ши Пулю заплатить своей жизнью!

— Мама, мама... Даху, Даху... — в панике лепетала Чжао Ло, чувствуя, как холодеют руки и ноги.

Е Ишу, нахмурившись, крикнул:

— Чего стоите, зовите лекаря! В деревне есть лекарь?!

— Лекарь... лекарь! — встрепенулась Чжао Ло, вскочила на ноги и бросилась к одному из домов.

Вскоре послышались торопливые шаги.

Е Ишу, увидев приближающегося Сун Чжэньцзиня в синем халате, почувствовал, как напряжение слегка отпустило его.

Сун Чжэньцзинь тут же принялся осматривать ребёнка. Он быстро остановил обильное кровотечение, затем обработал рану и наложил повязку.

Тем временем Е Ишу заметил, как его отец подошёл к всё ещё испуганному Доумяо и прижал его к себе.

— Папа... — всхлипнул Доумяо.

Е Чжэнкунь, поглаживая его по затылку, глухо произнёс:

— Ничего, это не наш Доумяо сделал.

Ши Пулю тоже пришла в себя. Наблюдая за действиями Сун Чжэньцзиня, она одновременно успокаивала сына, поглаживая его по спине.

— Мама видела, он сам не удержался за корзину.

Корзина за спиной Е Чжэнкуня висела высоко, и детям приходилось подпрыгивать, чтобы за неё уцепиться. Е Чжэнкунь, боясь, что они упадут, не смел двигаться и мог лишь медленно приседать, опуская ношу.

Корзина не прилегала плотно к спине, верёвки были длинными, и в суматохе дети просто не смогли удержаться.

Даху сам толкнул Доумяо, к тому же Эря теснила его сбоку, вот рука и соскользнула.

Но сейчас никто не произносил ни слова. Даху был всего лишь пятилетним ребёнком, и рана на голове выглядела серьёзно.

Все боялись, как бы падение не обернулось чем-то плохим.

Е Ишу подошёл ближе, чтобы лучше видеть, как Сун Чжэньцзинь обрабатывает рану, и спросил:

— Доктор Сун, насколько серьёзна его травма?

Сун Чжэньцзинь, не отрываясь от дела, ответил:

— Ничего страшного. Главное, чтобы в рану не попала вода. Несколько раз сменить повязку, и всё заживёт.

Е Ишу облегчённо вздохнул.

В конце концов, это всего лишь ребёнок, просто плохо воспитанный.

Когда Сун Чжэньцзинь закончил перевязку и поднялся, Чжао Ло спросила о плате и отдала ему двадцать вэней.

Сун Чжэньцзинь вызвали в деревню Шиво к больному, который повредил ногу. Так совпало, что Чжао Ло видела, как его пригласили в деревню.

Чжао Ло с улыбкой проводила его до дома того больного.

— Благодарю вас, доктор Сун.

Сун Чжэньцзинь кивнул и, проводив Чжао Ло взглядом, обернулся.

Он увидел Е Ишу, стоявшего с опущенными глазами и недовольным выражением лица. Сун Чжэньцзинь слегка нахмурился, отчего его лицо стало ещё более холодным.

Вспомнив о пациенте, он вновь повернулся и продолжил свой путь.

<http://bllate.org/book/13660/1585956>